

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Сыктывкар)

К ВОПРОСУ О ЧИСЛОВОЙ КООРДИНАЦИИ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КОМИ ЯЗЫКЕ

В языковедческой литературе по финно-угроведению термин «согласование» обычно употребляется для обозначения как синтаксической связи между компонентами подчинительных словосочетаний, так и связи между подлежащим и глагольным сказуемым. Для последнего случая в зарубежной литературе чаще используется термин «конгруэнция» (Kálman 1980; Rédei 1978 : 94), а в современной отечественной лингвистике — «координация», которая определяется как синтаксическая связь главных членов двусоставного предложения — подлежащего и сказуемого — с полным или частичным формальным употреблением словоформ, занимающих их позиции. Она не относится к подчинительной связи и всегда является связью определенных словоформ. На основе координации складываются предикативные отношения и формируется предложение. Координация включает в себя, таким образом, и регулярную, т.е. формальную координацию, собственно конгруэнцию, и нерегулярную, вариативную координацию (с колебаниями в оформлении главных членов), т.е. инконгруэнцию. Коми язык представляет большой интерес в отношении исследования координации, главным образом в числе у глаголов 3-го лица.

Обычно во всех нормативных грамматиках и справочниках по коми языку указывается на обязательное или регулярное согласование глагольного сказуемого с подлежащим. Так, Р. М. Баталова постулирует: «Глагольное сказуемое согласуется с подлежащим в числе, с личным местоимением — также в лице. В функции сказуемого некоторые другие разряды слов также согласуются с подлежащим в числе, принимая во мн. числе суф. *-ӧсь*» (1993 : 225), то же для коми-пермяцкого языка (1993 : 237) и для удмуртского языка (Кельмаков 1993 : 252; см. также: Основы 1976 : 205). В отношении координации в удмуртском языке есть и иное мнение: «согласование встречается и в удмуртском языке, хотя и в очень ограниченном объеме. Это, во-первых, согласование в числе и лице между подлежащим и сказуемым в предикативных словосочетаниях (как и в русском): *пилем уя* 'туча плывет', *пилемъӧс уя-ло* 'тучи плывут'. Хотя следует отметить, исторически в удмуртском языке между подлежащим и

сказуемым согласование в числе не наблюдалось: *Ой, кылёз ук, ой, кылёз ук Солэн верам кылъёсыз* 'Ой, останется ведь, ой, останется ведь Сказанное им слово (букв. останется сказанные им слова)' (Каракулова, Каракулов 2000 : 23). В описаниях некоторых диалектов указано только на регулярное согласование, например, в нижневычегодском (Туркин 1998 : 119). Инконгруэнция в числе лишь упоминается, например, в обзоре коми-зырянских диалектов: «В вымском и среднесысольском говорах (диалектах — *Е. Ц.*) наблюдаются случаи несогласования сказуемого с подлежащим в числе, напр., вым. *быдён ёткойд* 'все одинаковые', *синьясё чусмис* 'глаза потускнели', сс. *оньясыд оз на лок* 'спать еще не хочется'» (ССКЗД 488). Необходимо отметить, что в монографиях по диалектам синтаксические особенности языка не были предметом подробного анализа, а сам строй разговорной речи в коми и в пермских языках еще не исследовался. Главное внимание уделяется обычно монологической речи, повествовательным текстам в фольклоре и художественной литературе.

Вопросы координации главных членов предложения в пермских языках изучены явно недостаточно, об этом говорит чрезвычайно скудная информация о ней в учебниках по синтаксису и морфологии, а порой и полное отсутствие таковой. Разработки по данной теме не проводились даже в учебных целях. Однако тема подробно изучена в прибалтийско-финских языках и в венгерском (Нээтар 1965; Karlsson 1977; Mielikäinen 1982; Kálmán 1980; Heinsoo 1986; Пертиля 1999; Кокконен 1999), частично рассмотрена во многих других обобщающих трудах (Ravila 1941; Itkonen 1966 и др.). Как правило, на случаи инконгруэнции должного внимания в научной и учебной литературе не обращается, такие употребления обычно считаются или фактами устно-разговорной спонтанной речи или нарушениями литературных норм.

Более подробное представление о координации между подлежащим и сказуемым в коми языке дает учебник по синтаксису (1967 г.), автор соответствующего раздела А. И. Кипрушева. Она выделила пять положений, из которых в данном случае интересны три: «1. Сказуемое [---] согласуется с подлежащим, выраженным личным, усилительно-личным, вопросительно-личным, неопределенно-личным, обобщенно-личным, счетно-личным местоимением, в лице и числе: *Асьныс бура уджалёны дай челядьыс сэтшёмось жё лоёны* 'Сами (они) хорошо работают, и дети их такими же будут'. 2. При подлежащем, выраженном существительным, глагольное сказуемое ставится в форме 3-го лица и согласуется в числе: *Радён сулалісны еджыд кока кыдзьяс* (И. Изъюров) 'Рядами стояли белоствольные березы', *Советскöй морт медводз лэбис космосö* 'Советский человек первым полетел в космос'. [---] 4. При подлежащем, выраженном сочетанием существительного с числительным (или количественным словом) или соответственным местоимением, возможны две формы согласования. Если подлежащее выражает лицо (иногда и не лицо), а сказуемое — активное действие этих самых лиц (предметов), сказуемое обычно употребляется во множественном числе: *Дас куим морт силосуйтчöны* 'Тринадцать человек заготавливают силос', *Бассейнлөн шахтаясын öні уджалёны 130 сайö комбайн* (Югид туй) 'В шахтах бассейна сей-

час работают более 130 комбайнов'. Если глагол выражает неактивное действие, свойственное любым предметам (лицам и не лицам), то сказуемое обычно ставится в единственном числе: *Чукӧрмис ӧкмыс морт* 'Собралось девять человек'. Если названные в подлежащем предметы неодушевленные, то сказуемое обычно ставится в единственном числе: *Сотчис кык керка*» (СКЯ II 40—41). К. Редей в хрестоматии по коми языку приводит положения А. И. Кипрушевой без изменений (Rédei 1978 : 94—95). О координации между подлежащим и глагольным сказуемым больше ничего не написано. Как видно из цитаты, в коми языке постулируется правило обязательной координации глагола и подлежащего-существительного в числе в формах 3-го лица с одним отклонением, когда подлежащее выражено сочетанием числительного и существительного. Как показывают даже примеры учебника, правила согласования и примеры противоречивы. Во-первых, фактор активности / неактивности действия не отличается универсальностью, его можно толковать субъективно. Так, глаголы *силосуйтчыны* 'заниматься заготовкой силоса' и *чукӧрмыны* 'собираться' в отношении людей одинаково активны, активное действие выражает и глагол *сотчыны* 'гореть'. С другой стороны, предложение из газеты «Югд туй» представляет собой пример явной интерференции, прямого переноса конструкции из русского оригинала без учета типологических особенностей коми языка. Употребление коми глагола практически не укладывается в приведенные правила координации. Так, при сочетаниях числительных и существительных, обозначающих одушевленные реалии, глагол часто стоит в лично-числовых формах единственного числа, например, *Оліс сар. Сылӧн вӧлі куим ныв* (КМо 48) 'Жил царь. У него было три дочери'; *Сӧ кызь сюрс пель сэки Уна буртор кылас* (Куратов 20) 'Сто двадцать ушей (человек) Много хорошего услышат'.

Собранный нами языковой материал, несмотря на относительную неполноту, требует существенной корректировки приведенных положений. Регулярная координация в лице-числе в коми языке имеет место только у глаголов 1-го и 2-го лица, а также 3-го лица, если форма подлежащего — личное местоимение — требует при себе глагола в соответствующей лично-числовой форме: *ме пуа шыд* ↔ *ми пуам шыд*; *тэ пуан шыд* ↔ *ті пуад/анныд шыд*; *Сійӧ пуӧ шыд* ↔ *Найӧ пуӧны шыд* 'я варю суп' ↔ 'мы варим суп'; 'ты варишь суп' ↔ 'вы варите суп'; 'он(а) варит суп' ↔ 'они варят суп'. Приведенные примеры хорошо иллюстрируют это положение и потому имеет смысл более подробно рассмотреть случаи нерегулярного согласования в числе у глаголов 3-го лица, тем более что на этот материал должно внимания в научной литературе еще не обращалось. Случаи инконгруэнции не привлекали внимания исследователей, возможно, по той причине, что квалифицировались как нарушения правил, литературных норм: *Сӧмын дженьдаммис неуна дукӧслӧн сосъяс* (Чисталев 35) 'Только стали короче (букв. стал короче) немного рукава зипуна'. С другой стороны, в привнесении требования согласования в числе у глаголов 3-го лица видно влияние грамматической традиции русского языка. В многочисленных случаях числовой инконгруэнции глаголов 3-го лица отмечаются как архаичные черты языкового состояния, так и ин-

новационные тенденции. Для инконгруэнции в числе характерна одна особенность: регулярное согласование в лице-числе бывает лишь при подлежащем, выраженном местоимениями. В иных случаях глаголы 3-го лица могут оформляться двояко, принимать личные формы и единственного и множественного числа: *Төвсә кәдзәд быри, Сылс еджәд лым, Юяс вәән тыри, Гымалә нин гым* (Лебедев 54) 'Зимний холод пропал, Растаял белый снег, Реки водой наполнились (букв. переполнилась), Гремит уже гром'. В языке чаще употребляется *Юяс вәән тырины* 'Реки водой наполнились'.

Регулярная или формальная конгруэнция, т.е. координация в лице-числе глаголов 3-го лица, в современном коми языке доминирует, чему способствует сглаживающее влияние литературного языка через средства массовой информации и школьное преподавание. В таком употреблении функции лично-числовых формантов проявляются в полной мере, кроме указания на субъект действия они выражают дискретные действия вполне определенных субъектов — существительных в формах единственного и множественного числа: *Жувгём ләнигмозыс сәсся и воссис вочасән вәжәрыс, воссисны синъясыс* (ВК 1987, № 11, с. 19) 'Во время стихания шума затем постепенно включилось сознание, открылись его глаза'; *Со меным паныдасисны дзор кәз да пашкыр пожәм. Найә туй вомәныс кутчысьмәм сулаләны өта-мәд вылас мыджсьмәм* (Раевский 19) 'Вот мне встретились седая ель и раскидистая сосна. Они над дорогой, взявшись за руки стоят, опираясь друг на друга'.

В глаголах и подлежащих, принимающих формы единственного числа, в коми языке, как и во многих других родственных языках, часто выражается на самом деле значение множественности действий многих субъектов: *Пражитмән кельчи да ёкыш век жә пысасис* (ВК 1992, № 4, с. 47) 'Столько, что достаточно пожарить, плотва и окуни попались (букв. плотва и окунь попался)'; *Москвасә вир кисьтана косын дорйигән сы кодь курсантыс сәки уна водәма* (Торопов 100) 'Защищая Москву в кровопролитной битве, такие курсанты, как он, тогда многие полегли (букв. курсант poleg)'; *Этша чужә кага. Со и вовысь-воә пыр этшаджыкән локтәны первой классад* (КМ 16. 04. 1998 : 4) 'Мало рождается детей (букв. мало рождается ребенок). Вот и с каждым годом меньше и меньше приходят в первый класс'. Идентично значение при подлежащих, выражающих парные предметы: *Пельйә сьәдмис зыксыс* 'Ухо почернело от шума, т.е. уши заложило'; *Кәк юкалә менам* 'Ноги ломит у меня'; *Синмәйә бара лудә* 'Глаза мои опять чешутся'. При составных сказуемых, состоящих из вспомогательного глагола и числительного, подлежащее и числительное стоят в единственном числе: *Майор гәсьтәскәд пырис сержантәслән жырийә. Гәсьтыс вәлә кум* (КМ 14. 13. 2000 : 5) 'Майор с гостями зашел в сержантскую комнату. Гостей было трое (букв. гость был три)'. У современных носителей языка уже наблюдаются отклонения от таких исконных употреблений глаголов: *Ләддзис да номйис вильәдасны мянәс* (КМ 14. 03. 1998 : 5) 'Оводы и комары заедят нас' вместо *Ләддзис да номйис вильәдас мянәс*.

Подлежащее и глагол-сказуемое принимают форму единственного числа, если подлежащее выражает множественность субъектов,

имеет собирательное значение или представлено сочетанием числительного с существительным. Это наследие прауральского / прафинно-угорского языкового состояния сохраняется в венгерском, прибалтийско-финских, марийском языках: венг. *Húsz munkás elmegy, kettő itt marad* 'Двадцать рабочих уходят, двое остаются' (Майтинская 1993 : 273); фин. *Viisi miestä lähti metsään* 'Пять человек отправились (букв. оправилось) в лес' (Елисеев 1993 : 110); мар. *Кок ен толеш* 'два человека идут (букв. идет)' (Коведяева 1993 : 161).

В коми языке такое формальное согласование встречается, хотя употребительны и случаи смыслового / логического согласования, о которых речь пойдет при рассмотрении инконгруэнции. Примеры: *Куим юрлӧс вылын вит вок куйӧлӧ. (Пӧтӧлӧк)* (КМСП 124) 'На трех подушках пять братьев лежат. (Потолок)'; *Сентябрь 3 лунӧ вӧр ӧйис даслаын, согчис 8000 га, кусӧдчис 517 морт* (КМ 16. 04. 1998 : 6) '3 сентября лес загорелся в 10 местах, сгорело 8000 га, тушили пожар 517 человек'.

Нерегулярное, смысловое / логическое согласование, или инконгруэнция, у глаголов 3-го лица означает формальное несоответствие форм подлежащего и глагола-сказуемого в числе. Причем чаще всего наблюдается варьирование в числовом оформлении глагольного сказуемого, для сравнения — два предложения с подлежащим-прилагательным с суффиксом *-са*: *Редакцияса абу гӧгӧрвӧймаӧсь черныбыльсаыдлысь тӧжд-дойсӧ* (КМ 15. 04. 1997) 'Работники редакции не поняли боль черныбыльца'; *Почтальонтӧ аддӧм бӧрын аныбсаяс нюмӧвӧтӧны* (КМ 10. 04. 1997) 'Увидев почтальона, аныбские жители улыбаются'. Таким образом, в языке существует двойная координация в числе у глаголов 3-го лица. Нерегулярное согласование, инконгруэнция, имеет две основные разновидности.

1. Подлежащее в форме множественного числа + глагол 3-го лица единственного числа: *Пывсяньяс ломтысялӧ Яг горув пӧлӧн, мукӧдсьыс ру пуркӧйӧ* (ВК 1990, № 9, с. 68) 'Бани топятся вдоль горы Яг, из некоторых пар клубится'; *Бердӧ, немдӧ сылӧн синьяс [---] Смертьыс босьтӧс сылысь лов* (Лебедев 114) 'Отошли, погасли его глаза [---] Смерть забрала его душу'; *Пӧрысьлӧн тиӧти шогьяс вунӧ, Кывзӧ гажсӧ вель нин дыр* (Савин 140) 'У старика тоже горести забылись, Слушает веселье уже довольно долго'. Здесь функция лично-числовых глагольных форм сводится к выражению лица, а конкретное значение множественности субъектов выражается формой множественного числа подлежащего. Таким образом, глагол получает экономное оформление, без показателей числа. Очевидно, подобные употребления демонстрируют праязыковые особенности грамматики коми языка, где в формах 3-го лица глагол не обязательно согласовывался с подлежащим в форме множественного числа. Это положение подкрепляется тем фактом, что большинство примеров на инконгруэнцию этого типа зафиксировано нами у писателей начала XX в., делавших первые шаги в коми литературе. В условиях еще не устоявшихся литературных и стилевых норм они писали языком, максимально приближенным к разговорному узусу, с сохранением случаев нерегулярного согласования. Примеры: *Мича нывлӧн, коньӧр мортлӧн, Делӧясыс дзугсис* (Лебедев 215) 'У красивой девушки, бедняжки, Дела

расстроились; *Эжва, Эжва! Кымын морт тэ динь вердчө! Пурьяс помтөг лун-вой кывтө...* (Д. Попов) 'Эжва, Эжва! Сколько людей возле тебя кормится! Плоты без конца днем и ночью плывут (букв. плывет)'; *Вось-воё йёзыд сюсьмө, Вежөръясныс налөн ёсьмө* (Н. Шахов) 'Из года в год люди умнеют, Их умы становятся острее'; *Сьökыд, дерт, вокьясöй, мырсьыны öнi: Эбёсьяс бырöма, унатор абу* (Савин 28) 'Тяжело, конечно, братья, работать теперь: Силы кончились (букв. кончилась), многого нет'; *Саридзлөн тай гьясыс Ёна ызгö* (Чисталев 35) 'Волны моря ведь Сильно шумят'. Для современного коми языка характерно, что подлежащие во множественном числе при глаголах единственного числа всегда выражают неодушевленные предметы и реалии: *Жугыльтчöма сьöлöмъс Жугыль коми войтырлөн* (Савин 65) 'Опечалились сердца У грустного коми народа'; *Керкаын видзан шкапъяс, сундукъяс Гриши овмöсын вöлi дзик нинöмла* (Доронин 118) 'Домашние шкафы, сундуки в хозяйстве Гриши были совершенно ни к чему'. Однако прежде, вероятно, подлежащие могли обозначать и одушевленные предметы. Об этом говорят примеры из произведений И. А. Куратова и В. И. Лыткина: *Томджык нывьяс верöс сайö Мый нин муналiс!* (Куратов 44) 'Девушки помоложе сколько уже замуж повыходили!'; *Чуймис ичöт пийд: Шег кодь курöгпяян Ветлö тивзiгтыр Öшинь улас тыр* (Лыткин 155) 'Удивился маленький сынок: Величиной с лодыжку цыплята ходят, пища, Под окном полно'.

Характерно, что много примеров обнаружено в стихотворениях коми поэтов, активно творивших в 1920—1930-е годы. Инконгруэнция в поэтической речи объяснима требованиями поэтики стиха, необходимостью сократить слоги в строфе. Однако поэтическая речь допускает только приемлемые, правильные с точки зрения структуры языка перестановки грамматических конструкций. Не исключено, что поэтический язык является также своеобразной консервирующей сферой, сохраняющей особенности разговорного узуса более древних периодов развития языка. Примеры: *Весь вöвлi виччьсьöмыс тайö, Эз лолыв ныв эскöмъяс збыль* 'Напрасно было ожидание это, Не осуществлялись в жизни девичьи надежды'; *Йöз, кодлөн палялöма оньяс, Пыр содö луньсь-лун, оз чин* 'Люди, у которых сны развеялись (букв. развеялся), Все прибавляются, не сокращаются' (Фролов 17, 20), *Унатор вылö нин воссис мян синьяс* (Чисталев 75) 'На многое уже открылись (букв. открылся) наши глаза'.

В настоящее время инконгруэнция подобного типа встречается как в произведениях художественной литературы, так и в языке газет: *Син водзысь серпасыс оз вешйыв, И вояс мыш сайö оз берд* (Ванеев 130) 'Перед глазами картина не уходит, И годы за спиной не исчезают'; *Гортса архив видлалiгөн сюри биьсь перйöм документъяс* (КМ 7. 04. 1998) 'При разборе домашнего архива нашлись вынесенные из огня документы'; *Водзын колледж бердын вöлi сьылан да йöктан ансамбльяс* (Йöлöга 1998, № 20, с. 3) 'Раньше при колледже были ансамбли песни и пляски'; *Татшöм сяма клубьяс томуловлы зэв ёна колö* (Йöлöга 1998, № 9, с. 1) 'Такие клубы молодым очень сильно нужны'.

Подобным же образом инконгруэнция достаточно часто проявляется, если сказуемым является прилагательное, адъективированное

причастие, наречие — ожидаемый суффикс предикативной множественности *-õсь* не употребляется: *Локтіс гожём, шоныд гожём. Войяс дженьыд, луньяс кузь* (Лебедев 25) 'Пришло лето, теплое лето. Ночи коротки (букв. короткий), дни длинны'; *Украинкаяс костын И венгеркаяс эм* (Ванеев 93) 'Среди украинок и венгерки есть'.

Несомненно, инконгруэнция данного типа есть проявление более древнего состояния языка, когда глаголы 3-го лица с подлежащим во множественном числе не оформлялись особыми формантами в отличие от глаголов 1-го и 2-го лица. Значение множественности субъектов действия передавала форма множественного числа подлежащего или личное местоимение со значением 'они'. Обычно в общих трудах по уралистике постулируется, что «согласования между определением и определяемым словом не было» (Хайду 1985 : 254). Вероятно, не было регулярной координации и между подлежащим и глаголом сказуемым во множественном числе в формах 3-го лица или же она была не обязательной.

В современных языках такое явление также широко распространено. «Для финских диалектов и разговорного языка является обычным, когда в третьем лице вместо предиката во множественном числе используют предикат в единственном — *hevoset juoksee*» (Пертиля 1999 : 67). Обычна инконгруэнция в экзистенциальных предложениях и в составе habeo-конструкций: *Talon vieressä kasvaa (SG) puita (PL)* 'Керка дорын быдмõны (PL) пуяс (PL)'; *Minulla on (SG) ystäviä (PL)* 'Менам эмõсь ёртьяс' (Кокконен 1999 : 1) 'У меня есть друзья'. Исследователи отмечают учащение инконгруэнции в разговорном финском языке (Пертиля 1999 : 68).

Инконгруэнция рассмотренного типа есть в эстонских диалектах, где, по мнению Х. Нээтар, она «обусловлена возникновением новых ассоциаций во время речевого акта, вследствие чего конец предложения может измениться и привести к грамматическому несоответствию с его началом: *riided olid niikaua kui räbalast läks* 'одежда носилась (одежды были) до тех пор, пока (не) превращалась (пошла) в лохмотья'» (Нээтар 1965 : 12). В североэстонском диалекте в единственном числе стоит глагол, не выражающий активного действия: например, *mul oli väiksed lapsed* 'у меня были [было] маленькие дети', причем характерна для подобных употреблений постановка сказуемого перед подлежащим (Нээтар 1965 : 13, 17).

Много типологических параллелей с коми и финно-угорскими языками предоставляет материал тюркских языков. Во-первых, глаголы 3-го лица единственного числа имеют нулевой показатель, а глаголы 3-го лица множественного числа принимают показатель множественного числа существительных, например, туркм. *алды-ө* 'он взял' — *алды-лар* 'они взяли', *китап-ө* 'книга' — *китап-лар* 'книги' (ЛЭС 272). Во-вторых, как в древних, так и в современных тюркских языках наблюдается инконгруэнция в числе, при подлежащем во множественном числе глаголы принимают лично-числовую форму единственного числа, причем подлежащее может выражать как неодушевленный, так и одушевленный предмет, собирательное понятие, а также количественные реалии (сообщение В. В. Понарядова). Прямые аналоги этому есть и в коми языке, хотя в современном языке явны тенденции

к смысловому согласованию, оформлению глаголов лично-числовыми формантами 3 л. мн. ч., тогда как в языке более древнего периода употреблялись формы 3 л. ед. ч. Тем не менее инконгруэнция с употреблением глаголов 3 л. ед. ч. при подлежащем во множественном числе также имеет место: *Чукөрмө бур йөзлөн ывла ыв уджъяс* 'Накапливаются у хороших людей полевые работы'; *Лөнъёма тай, кушмёма Гажа расъясъс. Воёма тай, воёма Арся дунъясыс* (Чисталев 42, 34) 'Замолкли ведь, оголились веселые рощи. Наступили ведь, наступили осенние дни'.

2. Подлежащее в форме единственного числа + глагол-сказуемое в формах 3-го лица множественного числа. Такой тип инконгруэнции в современных текстах и разговорной речи встречается гораздо чаще. Диахронически он представляет собой инновацию, во многом связанную с прямым влиянием грамматики русского языка, так как в языке возникла двойственная координация при одних и тех же подлежащих, например, со словом *челядь* 'дети': *Челядь петіс лямпа-даддьөн, гёгыль оз нин дзурт* (Чисталев 52) 'Дети вышли (букв. вышел) с лыжами-санками, колесо уже не скрипит' ↔ *Челядь колльёны лун-вой. Пуктысигъясё отсасъёны гырысыясы, мёс видзлёны* (МГЧ 21) 'Дети проводят дни-ночи. Во время сенокоса помогают взрослым, коров пасут'.

По характеру слова-подлежащего можно выделить несколько подтипов рассматриваемого вида инконгруэнции:

а) слово с собирательным значением *йёз, войтыр* 'люди, народ', *котыр* 'группа, семья, ансамбль', *чукөр* 'группа людей', *челядь, зонпосни* 'дети' и т.п.: *Пристань вылын виччысисны нопя, чемодана йёз. Кот-ралісны челядь* (КМ 18. 04. 1998 : 4) 'На пристани ожидали люди с рюкзаками, чемоданами'; *Кутшөмкө збой войтыр со кавшасъёны вагон подножка вылас* (ВК 1989, № 10, с. 6) 'Какие-то смелые люди вот лезут на подножку вагона'; *Ручпиян сиктсаян шептасъыс нянь йөръяс костті, мёсъяс ветлан уличаөд, оллялёмөн, ю дорё лэччисны ныв-зон чукөр* (Юхнин 3) 'От села Ручпиян между огороженных хлебных полей, по улице для выгона коров, протяжно напевая, к реке спускалась группа девушек и парней'; *Сэні и исласъёны зонпосныд* (КМ 5. 12. 1998) 'Там и катаются на лыжах дети';

б) местоимения *быдён* 'каждый', *ставыс, ставныс, ставыс тайё* 'все', *мукөд* 'другой', *кодсюрё* 'кто-то', *кодъяскө* 'некие, кто-то', *кыкнанныс* 'оба двое', *куимнанныс* 'все трое' и т.п.: *ставыс тайё вёчисны сылысь чужёмсё ас дінас кысканаён* (Изьюров 170) 'все это сделало его лицо притягивающим к себе'; *Талун ставныс нин чукөртчөмаёсь бара Зук Ёгор ордө да мөвпалігтырйи варовитёны самовара пызан сайын* (Ытва 179) 'Сегодня все уже собрались опять к Зук Егору и беседуют в раздумьях за столом с самоваром'; «*Тупкасны совхозтө, вот сэки и ов*» — *дөжнасъёны мукөд* (КМ 16. 11. 1993) «Закроют совхоз, вот тогда и живи», — твердят другие»; *Куимнанныс уджалісны сьёлёмсянь, өта-мөд вежмёныс* (ВК 1973, № 11, с. 10) 'Все трое работали от души, очень усердно';

в) сочетание числительного и существительного или существительного с количественными определениями *уна* 'много', *этиа* 'мало', *лыда* 'очень немного', *лыдтөм* 'несчетный', а также *став* 'все', *быд* 'каждый',

например, *Сиктö воисны нель зон: Быдөн аслас частьясысь* (Вавилин 30) 'В село прибыли четыре парня: каждый из своей части'; *Кык ош öти гуд оз водлыны* (пословица) 'Два медведя в одну берлогу не ложатся'; *Эжваысь ношта 160 велöдчысь июнь 3 лунö лэбисны Болгарияö* (КМ 7. 06. 1997) 'Еще 160 учащихся из Эжвы 3 июня улетели в Болгарию'; *Проповедь лыддигас став пöчöыс сыркъялöмөн бöрдисны* (Ыт-ва 186) 'Во время чтения проповеди все бабушки плакали навзрыд'; *Öни вель уна нывбаба шыöдчöны татчö* (КМ 5. 10. 1996) 'Теперь довольно много женщин обращается сюда'; *И со кык дадюла петисны гывъявны тундралөн лöзалысь эрдъясöд* (Рочев I 30) 'И вот две санные упряжки вышли ездить, подобно волнам, по голубеющим просторам тундры';

г) композита со значением 'два человека, живых существа, объединенные родственными или дружескими отношениями': *ая-ниа* 'отец с сыном', *эня-ныла* 'мать с дочерью', *деда-нука* 'дед с внуком', *ныла-зонма* 'девушка с парнем', *руча-каня* 'лиса с кошкой', *зверь-пöтка* 'звери-птицы', а также *гозья* 'супружеская пара', например, *Ая-ниа видзöдана омöльтчöмабсь* (ВК 1990, № 4 : 16) 'На вид отец и сын похудели'; *Олисны-вылисны старик гозья* (КМСП 55) 'Жили-были супруги, старик и старуха'; *сöмын на удж вылысь воём Митрей гозья батьöс моз примитисны Прокопейöс* (Юхнин 115) 'только что с работы пришедшие супруги Митрея как отца приняли Прокопия'; *Зонма-ныла разöдисны ваймём бипур, талялисны чусмём öгырьяс* (Федоров 130) 'Парень с девушкой раскидали догоревший костер, растоптали потухшие угли';

д) прилагательное с суффиксами *-са* и реже *-а* с собирательным значением: *Кум вежон нин печораса майшасьöны: сувтöдасны станция — сувтас и производство* (КМ 23. 04. 1998 : 3) 'Три недели уже жители г. Печоры беспокоятся: остановят станцию — встанет и производство'; *Профсоюзса, тыдалö, велалисны нин вонас кыкысь, тулысын да арын, нуöдны протест акцияс* (КМ 11. 04. 1998) 'Руководители профсоюзного движения, наверное, привыкли уже два раза в год, весной и осенью, проводить акции протеста'; *А Йигöрыслөн некыт абу доя, И сулалö да вашьялö на сэтön, И тошкаыс на кывзысьöны сылысь* (ВК 1990, № 12, с. 5) 'А у Йигыра еще нигде не болит, И стоит и улыбается там, И старшие (букв. бородатый) еще слушаются его'. Инконгруэнция последнего подтипа предположительно возникла путем эллипсиса определяемых существительных *йöз, войтыр* 'люди', *олысьяс* 'жители' в составе определительной конструкции и перетягивания значения существительных на определение, например, *Аныбса йöз / олысьяс олöны бура* 'Люди / жители с Аныба живут хорошо' → *Аныбса олöны бура* 'Жители с. Аныб (букв. аныбский) живут хорошо'.

Первые три подтипа представляют собой результат относительно недавних процессов перехода от формальной координации исконного типа к смысловой под влиянием русского языка, а также в результате аналогии. Это доказывают многочисленные примеры формальной координации глаголов в лично-числовых формах 3 л. ед. ч. теми же словами-подлежащими. Примеры для сопоставления представлены в таблице.

Формальная конгруэнция
(глаголы в 3 л. ед. ч.)

Том йӧз велӧдчыны синӧ
(Савин 105)
'Молодежь стремится учиться'

Ваня Плосковӧс быдӧн тӧдӧ
(из разговора)
'Ваню Плоскова каждый знает'

23 вӧралысь иналис 765 ур ку
(КМ 25. 04. 1998)
'23 охотника сдали
765 беличьих шкурок'

Гортсаыд ставсӧ ӧд тӧдӧ
(из разговора)
'Домашние всё ведь знают'

Смысловая конгруэнция
(глаголы в 3 л. мн. ч.)

Быд бур йӧзыс локтасны
(Куратов 117)
'Все хорошие люди придут'

Керкаясын быдӧн нин узьӧны
(Чисталев 23)
'В домах все уже спят'

*1997 воӧ мян дорын бурдӧдчисны
матӧ 400 морт*
(КМ 16. 05. 1998 : 4)
'В 1997 г. у нас лечились
около 400 человек'

Гортса менӧ гӧтралӧны
(Савин 43)
'Домашние меня женят'

В расширении инконгруэнции рассматриваемого типа большую роль сыграла одушевленность денотатов, выражаемых подлежащими, во всяком случае в большинстве примеров представлены подобные случаи. Однако подлежащие выражают иногда неодушевленные предметы, а глаголы оформляются показателями 3 л. мн. ч.: *Сӧ сайӧ предприятие да организация некымын тӧлысьӧн оз мынтысьны* (КМ 2. 11. 1991) 'Более ста предприятий и организаций по несколько месяцев не платят'; *Дас машина мунисны Карелия, Архангельск область, Коми пыр* (КМ 28. 03. 1998) 'Десять машин проехало через Карелию, Архангельскую область, Коми'; *Вит дизель, ӧтсор мураліг, лӧсялана шыалісны гымтӧм арся зэрыслы* (Юшков 16) 'Пять дизелей, одинаково звуча, шумели подобно осеннему дождю без грома'; *Тӧдлытӧг лэбышитісны кык вежон* (ВК 1988, № 6, с. 23) 'Незаметно пролетели две недели'. Подобное употребление развилось или по аналогии, или под явным интерференцирующим влиянием соответствующих конструкций русского языка, например, когда подлежащим выступает слово *книга*: *А ме лыдди сылысь кык книга, кызь во сайын петавлӧмайсь* (ВК 1992, № 4, с. 31) 'А я читал его две книги, двадцать лет назад выходили'; *Квайтымын вит лечитӧм книга бӧр суетісны джаджьяс вылӧ* (ВК 1987, № 2, с. 44) 'Шестьдесят пять вылеченных книг опять встали на полки'. Все эти предложения носят явный оттенок языковой чужеродности, неестественности грамматического построения.

В коми-пермяцких диалектах и литературном языке при подлежащем, выраженном сочетанием числительного и существительного, одинаково часто употребляются глаголы в формах 3 л. мн. ч. безотносительно к одушевленности / неодушевленности предмета: *Тэнат знамя вылын Согчӧны кык орден* (Кӧвдӧмок 126) 'На твоём знамени горят два ордена'; *Сэк Иньвеньскӧй краяс вӧлӧмась толькӧ вит селеннӧ* 'Тогда в Иньвеньском крае было (букв. были) только пять селений'; *Кама вылын пукалӧны кык мощнӧй электростанция* (Климов 31, 47) 'На Каме находится (букв. сидят) две мощные электростанции'; *Лӧзӧтӧ вӧрыс горизонтӧдз. Кынымкӧ тӧдчӧны ыбок* (Вавилин М. 74)

'Синеет лес до горизонта. Виднеется несколько горок'. В то же время в языке сохраняются случаи формальной координации подлежащего и глагола-сказуемого в формах единственного числа, соответствующие исконной языковой природе: *Сотня кыр дзик крыша кокö, Сидз чулалö зэр* (Вавилин 91) 'Как будто сто дятлов клюет крышу, Так идет дождь'. Таким образом, коми-пермяцкие диалекты и литературный язык больше подверглись влиянию русского языка, что повлекло к неразграничению глагольными сказуемыми одушевленных и неодушевленных подлежащих в составе сочетаний с числительным: *Олöма көркö Марфида Прекрасная. Сылөн вöллöмась кык сотня дуді* (Көвдöмок 156) 'Жила когда-то Марфида Прекрасная. У нее были две сотни голубей'. Коми-зыряне сказали бы: *сылөн вöллöма кыксё гулю* с глаголом в форме 3 л. ед. ч.

В современном коми-зырянском языке картина лично-числовой конгруэнции глаголов с подлежащим очень мозаичная. Кроме рассмотренных случаев иногда совершенно необоснованно, нелогично используются глагольные лично-числовые формы 3 л. мн. ч., например, при подлежащем *шондi югöр* 'солнечный свет': *Григорий Федорович лэптыштiс вон дöрасö: шондi югöрыс сарай öдзöс пöв костьясöдыс зарни визьясөн пырисны* (ВК 1990, № 8, с. 22) 'Григорий Федорович поднял немного полог: солнечный свет через щели досок сарая золотыми полосами заходил (букв. заходили)'. Подобные случаи смысловой координации зафиксированы в художественной литературе 1930-х годов: *Юркыд шыясөн сьланкывлөн первойя куплетыс збоя чепöсийисны вöсьтöм рамаяс пыр шондiөн пызйыштöм ывлаö* (Ударник 1936, № 5, с. 9) 'Гулкими звуками первый куплет песни смело вырвался (букв. вырвались) через открытые рамы на улицу, залитую солнцем'. Это говорит о большой роли аналогии в расширении инконгруэнции.

Кстати, расширение употребительности глаголов в форме 3 л. мн. ч. изредка инспирируется разрушением исконного оформления сочетаний существительного с количественным определением в коми языке, которые еще с прауральской эпохи имеют следующий вид: «После количественного определения имя стоит в единственном числе: венг. *négy leány* 'четыре девушки' (букв. 'четыре девушка')» (Хайду 1985 : 256—257). В фольклоре, диалектах и литературных текстах после определения *уна* 'много' существительное подчас принимает форму множественного числа, например в фольклоре: *Уна нывьяс чукöртчисны. Зон, зон, мича нывьяс Чукöртчисны* (ВК 1993, № 3—4, с. 7) 'Много девушек собрались. Красивые девушки были'; *Уджтöг кольöмаöсь Россияса уна критикьяс, кодьяс бөрөн петтöдзныс ошкывлöмаöсь соцреализма литература* (ВК 2000, № 2, с. 65) 'Без работы осталось много критиков, которые изо всех сил прославляли литературу соцреализма'. Эти употребления характеризуются чрезмерным плеоназмом, они практически не типичны для естественного коми языка. Последний пример вообще ощущается как чужеродное и чрезвычайно уродливое предложение. Тем не менее все эти факты современного языка нуждаются в адекватной научной фиксации и интерпретации.

В удмуртском языке явление, идентичное представленному, стало уже языковой нормой, в ходе развития языка исконные сочетания

числительного и существительного в форме единственного числа трансформировались, став подобием русских сочетаний: *Odüg сельсоветын вить председательёс люоы-а ма?* 'В одном сельсовете разве может быть пять председателей?' (ГСУЯ II 95). Однако в языке сохранились и сочетания в исконной форме с существительным в единственном числе: *вить мурт* 'пять человек', *дас корка* 'десять домов', *куамын арес* 'тридцать лет'. Язык сохраняет исконные виды конгруэнции в формах подлежащего и глагола единственного числа: *Совхозысь тямь мурт лыктэм* 'Из совхоза пришло восемь человек' (ГСУЯ II 96). Тем не менее чаще всего употребляются подлежащие и глаголы в формах множественного числа, главные члены формально согласуются: *Дас вить воргорон нюлэскын турнало* 'Пятнадцать мужчин в лесу косят' (ГСУЯ II 97). В данном случае этот вид координации можно считать формально-смысловым, когда значение дискретной множественности субъектов и их действий выражается соответствующими грамматическими средствами: *Куамын колхозникъёс асьсэлы выль коркаос лэсьтйзы* букв. 'Тридцать колхозники построили себе новые дома' (ГСУЯ II 8). В коми языке подобные употребления также изредка возможны: *Уна йӧзъяс локтӧны* 'Многие группы людей приходят, т.е. очень много'. Но эти употребления ощущаются стилистически излишними, они гиперболически передают идею множества субъектов.

Рассмотренный материал логической или смысловой координации говорит о существенном отходе от строго формального согласования в числе, произошедшем в ходе развития языка как в силу внутриязыковых причин (стремление к дискретизации действий многих субъектов, стремление разнообразить количество языковых моделей для выражения более разнообразного содержания), так и из-за интенсивного воздействия русского языка, его интерференции в условиях массового коми-русского двуязычия, а также под влиянием фактора аналогии. Очень схожая картина наблюдается и во многих других финно-угорских языках. Так, из прибалтийско-финских языков инконгруэнция такого типа широко встречается в эстонских диалектах при подлежащих *rahvas* 'народ', *kõik* 'все', *keegi* 'кто-то', *mõni* 'некоторый', а также количественно-именных сочетаниях, например: *kogu rahvas kutsus teda ullust krahvist* 'весь народ называл его сумашедшим графом'; *rahvas käisid eëni mõisas tööle* 'раньше люди / народ ходили в имение на работу'; *kaheksa naela läks karjale* 'восемь гвоздей шло на копыто'; *kaks meest saegvad* 'двое мужчин пилят' (Нээтар 1965 : 17). Подобную же картину колебаний в согласовании главных членов предложения в числе представляет для водского языка Х. Хейнсоо (Heinsoo 1986 : 46—58). В финском языке также возможны колебания в оформлении глаголов-сказуемых при подлежащих, выраженных сочетаниями числительного с существительным. П. Кокконен приводит примеры: *Viisi (SG) ihmistä kuoli (SG) onnettomuudessa* 'Пять человек погибли в авткатастрофе' и *Viisi ihmistä (SG) kuolivat (PG) onnettomuudessa*; значение последнего отличается тем, что в авткатастрофе погибли все пять человек (Кокконен 1999 : 2).

В обско-угорских языках также «смысловая координация имеет место в предложении, если подлежащее выражено собирательным

именем существительным, количественным словосочетанием, словосочетанием совместности и если предложение осложнено однородными словосочетаниями» (Лыскова 1988 : 17). Так, в хантыйском языке наряду с формальным согласованием встречается смысловое, когда сказуемое может оформляться суффиксами двойственного и множественного числа, с подлежащими, сочетаниями числительного с существительным, согласование при этом либо формальное, либо логическое: *läpät käu saŷəll* 'семь быков скачут' (букв. 'скачет') или *läpät käu saŷəllət* 'семь быков скачут' (Хонти 1993 : 314).

В заключение кратко изложим основные выводы относительно лично-числовой координации главных членов предложения в коми языке.

1. Регулярная координация в лице и числе имеет место у глаголов при подлежащих, выраженных личными, усилительно-личными местоимениями, т.е. при подлежащих местоименного характера.

2. Подлежащие-существительные и глаголы-сказуемые в формах 3-го лица обычно согласуются по числу, особенно если существительное-подлежащее выражает одушевленный предмет. Относительно двух приведенных положений в коми языке наблюдается формальная инконгруэнция.

3. Глаголы в формах 3-го лица не обязательно, не всегда и не автоматически согласуются с подлежащими-существительными в числе. Инконгруэнция бывает двух видов: а) подлежащее во множественном числе + глагол в единственном числе, как правило, подлежащее при этом выражает неодушевленный предмет, сказуемое — результат или экзистенцию; б) подлежащее в единственном числе + глагол во множественном числе, как правило, подлежащее выражает одушевленные реалии, людей, группу лиц, сказуемое — активный волевой процесс.

В многочисленных случаях инконгруэнции имеет место смысловое согласование между подлежащим и глаголом-сказуемым, однако в случаях а), вероятно, мы имеем дело с наследием более древнего состояния языка с его еще недостаточно развитой формальной координацией главных членов предложения, а в случаях б) налицо результат относительно позднего диахронического процесса постепенного разрушения формального согласования и развития смыслового, происходящего как в силу интралингвистических причин, так и из-за иноязычных влияний. В пользу этого говорит наличие двойного оформления глаголов-сказуемых при одних и тех же словах и словосочетаниях в функции подлежащего.

Сокращения

Вавилин — И. В а в и л и н, Мувыв кодзувъяс, Сыктывкар 1965; **Вавилин М.** — М. В а в и л и н, Югьд шоррез, Кудымкар 1980; **Ванеев** — А. В а н е е в, Ловъя би, Сыктывкар 1983; **ВК** — «Войвыв кодзув», ежемесячный литературно-художественный журнал Союза писателей Республики Коми, Сыктывкар; **ГСУЯ II** — Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения, Ижевск 1970; **Доронин** — П. Д о р о н и н, Парма съёлöмын, Сыктывкар 1968; **Изъюров** — И. И з ъ ю р о в, Том олöмой том гажöй, Сыктывкар 1963; **Йёлöга** — республиканская газета для детей и молодежи, Сыктывкар; **Климов** — В. К л и м о в

мов, Мый йылсь висьтасьоны Пармаись ниммез, Кудымкар 1971; **КМ** — «Коми му», республиканская общественно-политическая газета, Сыктывкар (до 1991 г. «Югд туй»); **КМо** — Коми мойдьяс. Лӧсьӧдӧс, литературной кыв вылӧ вуджӧдӧс да вӧчис примечаниеяс Ю. Г. Рочев, Сыктывкар 1991; **КМСП** — Коми мойдьяс, сыланкывьяс да пословицаяс. Чукӧртӧс Ф. В. Плесовский, Сыктывкар 1956; **Куратов** — И. Куратов, Менам муза, Сыктывкар 1979; **Лебедев** — М. Лебедев, Бӧрйӧм гижӧдьяс, Сыктывкар 1959; **Лыткин** — В. И. Лыткин, Дзордзав жӧ, Коми му, коляоз дзоридзӧн, Сыктывкар 1985; **ЛЭС** — Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990; **МГЧ** — Миян грездса челядь. Висьтъяс, Сыктывкар 1987; **Раевский** — С. Раевский, Шоныйд войвыв, Сыктывкар 1988; **Рочев** — Е. Рочев, Лӧз тундра, Сыктывкар 1980; **Савин** — В. Савин, Югд кодзув, Сыктывкар 1980; **СКЯ II** — Современный коми язык II. Синтаксис, Сыктывкар 1967; **Торопов** — И. Торопов, Тян, Сыктывкар 1982; **Ударник** — литературно-художественный и общественно-политический журнал на коми языке, издавался в Сыктывкаре в 1930-е годы; **Федоров** — Г. Федоров, Востым, Сыктывкар 1982; **Фролов** — Н. Фролов, Эжва дорын, Сыктывкар 1985; **Чисталев** — В. Чисталев, Менам гора тулыс, Сыктывкар 1982; **Ытва** — Ытва дырйи, Сыктывкар 1987; **Юхнин** — В. Юхнин, Диньӧльса вӧрпункт, Сыктывкар 1983; **Юшков** — Г. Юшков, Ловья лов, Сыктывкар 1979.

ЛИТЕРАТУРА

- Баталова Р. М. 1993, Коми(-зырянский) язык. — Языки мира. Уральские языки, Москва, 214—229.
— 1993, Коми-пермяцкий язык. — Языки мира. Уральские языки, Москва, 229—239.
- Елисеев Ю. С. 1993, Финский язык. — Языки мира. Уральские языки, Москва, 90—114.
- Каракулова М. К., Каракулова Б. И. 2000, Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков, Глазов.
- Кельмаков В. К. 1993, Удмуртский язык. — Языки мира. Уральские языки, Москва, 239—255.
- Коведяева Е. И. 1993, Марийский язык. — Языки мира. Уральские языки, Москва, 148—164.
- Кокконен П. Конгруэнция финн да коми кывьясын (рукопись доклада, прочитанного на Международной научной конференции, посвященной 160-летию И. А. Куратова, июль 1999 г., Сыктывкар).
- Лыскова Н. А. 1988, Подлежащее и сказуемое в хантыйском и мансийском языках. Автореф. канд. дисс., Тарту.
- Майтинская К. Е. 1993, Венгерский язык. — Языки мира. Уральские языки, Москва, 256—279.
- Нээттар Х. 1965, Согласование сказуемого с подлежащим в эстонских диалектах. Автореф. канд. дисс., Таллин.
- Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, Москва 1976 (= Основы).
- Пертля Л. 1999, Инконгруэнция в субъектно-предикатных отношениях в финском языке. — XVI IFUSCO: юбрьяс, info, тезисьяс, summary. Ода-кора тӧльсь 10—14, 1999, Сыктывкар, 66—68.
- Туркин А. 1998, Нижневычегодский диалект коми-зырянского языка, Таллинн—Гамбург.
- Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
- Хонти Л. 1993, Хантыйский язык. — Языки мира. Уральские языки, Москва, 301—319.
- Heinsoo, H. 1986, Aluse ja öeldise arvukongruentsist vадja keeles. — FU 13, 46—58.
- Itkonen, T. 1966, Kieli ja sen tutkimus, Helsinki.
- Kálmán, B. 1980, Semantische und formale Kongruenz. — JSFOu 76, 43—60.
- Karlson, F. 1977, Syntaktisten kongruenssijärjestelmien luonteesta ja funktioista. — Vir., 359—389.

К вопросу о числовой координации главных членов предложения...

- M i e l i k ä i n e n, A. 1982, Monikon 3. persoonan inkongruenssi puhutussa suomen kielessä. — Symposiumi 82. Suomalais-neuvostoliittolainen itämerensuomalaisen filologian symposiumi 30. 8.—2. 9. 1982, Jyväskylä, 44—45.
- R a v i l a, P. 1941, Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. — FUF XXVII, 1—136.
- R é d e i, K. 1978, Chrestomathia Syrjaenica, Budapest.

JEVGENIJ CYPANOV (Syktyvkar)

**ON COORDINATION OF THE PRINCIPAL PARTS
OF THE SENTENCE IN THE KOMI LANGUAGE**

The article deals with numerous cases of incongruence between the subject and the verbal predicate in the Komi language. On the basis of the Komi-Zyryan and partly Komi-Permyak literary languages, the main types of incongruence between the principal parts of the sentence have been revealed. The results of the investigation can be used in teaching the Komi language and compiling text-books.